

Сарсе Франсуа

**Осада Парижа 1870-1871:
Впечатления и воспоминания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф82

Ф82 **Франсуа С.**
Осада Парижа 1870-1871: Впечатления и воспоминания / Сарсе Франсуа – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 353 с.

ISBN 978-5-519-84925-8

ISBN 978-5-519-84925-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

покажетъ наши недостатки, которыхъ, — увы! у насъ такъ много и за которые мы дорого заплатились, — а также научить насъ тѣмъ высокимъ качествамъ, которыми мы не обладали, и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить еще сильнѣе полюбить этотъ Парижъ — средоточіе нашей дорогой и несчастной отчизны, Франціи.

Еще одно послѣднее слово: книга эта не есть книга партіи. Каковы бы ни были политическія убѣжденія автора, но онъ старался быть одинаково справедливымъ ко всѣмъ и не касаться ни одного изъ тѣхъ щекотливыхъ вопросовъ, которые въ настоящее время раздѣляютъ умы и разрѣшить которые можетъ лишь одна будущность.

Францискъ Сарсе.

I

До осады.

I.

Война была объявлена Пруссіи 19-го іюля 1871 г.

Спустя три или четыре дня, я обѣдалъ въ обществѣ пріятелей; заговорили о предстоящей кампаніи — въ то время ни о чемъ другомъ не говорили; одинъ изъ гостей, долго слушавшій молча, какъ мы высказывали свои надежды на будущій успѣхъ, вдругъ прервалъ насъ, проговоривъ серьезнымъ и важнымъ тономъ:

— Господа; мнѣ Германія хорошо знакома, я прожилъ тамъ многіе годы; силы ея мнѣ столь же извѣстны, сколько и наши; ручаюсь вамъ, что не пройдетъ двухъ мѣсяцевъ, какъ пруссаки лягутъ подъ стѣнами Парижа.

Всѣ съ шумомъ накинудись на предвѣщателя несчастья: его обзывали дурнымъ патріотомъ, пруссакомъ, шпі-

ономъ, подкупленнымъ Бисмаркомъ. Насмѣшки сыпались градомъ и выходка его многими была припята, какъ парадоксъ бульварнаго фланера. Въ то время, конечно, ни кому и въ голову не приходило, чтобы Парижъ могъ быть въ осадѣ; подобная мысль казалась невѣроятной и была не доступна. Хотя наши укрѣпленія и должны были наводить на мысль, что дѣло можетъ дойти до осады, но мы иначе не смотрѣли на длинный рядъ вытянутыхъ передъ нами откосовъ, поросшихъ свѣжей травой, какъ на мѣсто прогулки, предназначенное для оживленія городского вида, и безмолвные бастіоны съ своими безопасными пушками въ нашихъ глазахъ походили на храбрыхъ солдатъ національной гвардіи, которые стоятъ, обыкновенно, съ незаряженными ружьями, на часахъ у главнаго штаба, на Вамдомской площади. Къ тому же, Парижъ, вѣдь это нашъ священный городъ, столица цивилизаціи и, какъ говорили греки, пуповина вселенной: кто же осмѣлится прикоснуться къ нему! Такое святотатство, конечно, не можетъ придти на мысль ни одному народу! Такъ думали французы въ началѣ войны.

Вотъ Берлинъ! дѣло другое! Мы находили весьма естественнымъ, послѣ двухъ-трехъ сраженій, вступить въ него съ барабаннымъ боемъ и развѣвающимися знаменами. Г. Жирарденъ написалъ статью, имѣвшую успѣхъ въ продолженіи цѣлой недѣли; въ ней, между прочимъ, говорилось, что этихъ вандаловъ слѣдуетъ проводить обратно въ Берлинъ, колотя прикладами по спинамъ. Выражаясь такимъ образомъ, Жирарденъ выражалъ въ формѣ живой журнальной статьи идею чисто парижскаго духа. Въ началѣ, я полагаю, что война нисколько не была популярна, но такъ какъ она считалась рано или поздно

неизбѣжной, то мы скоро съ ней примирились. — Лучше начать теперь же, говорили другъ другу.

Самая поспѣшность правительства служила къ успокоенію умовъ. Видя, изъ за какого простаго предлога оно приступило къ крайнимъ мѣрамъ, всѣ, безъ сомнѣнья, считали его вполне готовымъ и полагали, что дѣла пойдутъ успѣшно и войска наши еще до наступленія зимы войдутъ въ Берлинъ.

— Въ Берлинъ! въ Берлинъ! Вотъ возгласъ, которымъ привѣтствовались проходившіе черезъ Парижъ полки, отправляясь въ Альзасъ. Провожая ихъ на желѣзную дорогу, пѣли Марсельезу и другія патріотическія пѣсни.

Но при всемъ этомъ, до сихъ поръ остается еще не совсѣмъ разъясненнымъ, были ли мы искренни въ самихъ себѣ? Дѣйствительно ли мы такъ желали войны, какъ казалось, слушая уличныхъ крикуновъ? Я полагаю, что когда разъ перчатка была брошена, то большинство населенія, долго не размышляя, отдалось своему бурливому нраву, столь присущему каждому истинному французу. У насъ вѣдь любятъ пожинать лавры, а предъидущіе примѣры славныхъ побѣдъ, копчавшихся въ непродолжительный срокъ, еще болѣе усиливали то довѣріе, которое мы всегда питали къ нашему военному превосходству. На бульварахъ и на улицахъ только и раздавались восклицанія: «Наша непобѣдимая армія!» «Наши храбрые солдаты!» «Наши африканскіе генералы!» Не было ни одного мирнаго буржуа, которому не чудился бы запахъ пороха, и многіе заблаговременно запасались уже плошками и флагами.

Въ театрахъ слова эти были паролемъ дня. Едва, по окончаніи представленія, падала занавѣсъ, какъ десятки

голосовъ принимались изъ всей силы кричать: Марсельезу! Администрація, впередъ уже предвидѣвшая этотъ ежедневный восторгъ, заранѣе приготавливала все для его удовлетворенія: занавѣсъ подымалась и на сцену выступалъ пѣвецъ; при первыхъ же звукахъ патріотическаго гимна, въ публикѣ раздавался повелительный крикъ: встаньте! встаньте! и вся зала разомъ подымалась на ноги и хоромъ подхватывала припѣвъ.

Манифестація эта, впоследствии повторявшаяся каждый день, была по истинѣ грандіозна, когда она въ первый разъ вылилась внезапно изъ толпы однимъ единодушнымъ порывомъ. Это было въ оперѣ; на афишѣ не стояло Марсельезы, но весь Парижъ, какъ артистическій, такъ и великосвѣтскій, зналъ, что если публика потребуетъ выполненія гимна, то г-жа Сассъ пропоетъ его. Въ третьемъ актѣ Фенеллы послѣ аріи «*Auour sacré de la patrie*», приведшей въ возбужденіе всѣ струны нашей души, во всемъ театрѣ раздался одинъ единодушный крикъ: «Марсельезу! Марсельезу!» Гимнъ начался, и въ это время раздался отчетливый и рѣзкій голосъ: «Встаньте!» Всѣ узнали голосъ г. Жиардена. Публика, какъ бы подвліяніемъ электрическаго удара, разомъ встала и восторгъ охватилъ всю залу. Многіе мужчины плакали, у другихъ въ глазахъ искрились слезы.

Но нельзя сказать, чтобы манифестація эта была выраженіемъ какого либо убѣжденія; у толпы не было почти никакихъ убѣжденій: это было скорѣе выраженіемъ порыва чувства, чувства неопредѣленнаго, весьма темнаго, смѣшаннаго съ воинскимъ шовинизмомъ и простодушнымъ легковѣріемъ. Только одна небольшая группа людей продолжала сохранять хладнокровіе; они одни хорошо знали рессурсы обѣихъ націй и могли взвѣшивать

шансы столь необдуманно объявленной войны; поэтому среди всеобщаго восторга выраженіе ихъ лицъ оставалось серьезнымъ и озабоченнымъ; но они не смѣли публично высказывать своихъ опасеній, ихъ побили бы камнями. Нѣкоторыхъ изъ этихъ людей я зналъ лично, и полагаю даже, что число ихъ было больше, чѣмъ я въ то время предполагалъ. Всѣ они молчали, столько же изъ осторожности, сколько и изъ патріотическаго приличія. Можно утвердительно сказать, что люди эти въ массѣ населенія составляли ничтожное меньшинство. Французская публика, въ средѣ которой бой барабана весьма легко помрачаетъ даже самыя разсудительныя головы, готова была склониться на сторону «бѣлыхъ блузъ», подкупаемыхъ полиціей, для поддержанія на улицахъ и въ умахъ толпы криками и пѣснями воинственнаго азарта.

II.

Подобное задорное настроеніе, начиная съ 19 іюля и до первыхъ дней августа, росло все болѣе и болѣе. Вскорѣ къ нему присоединилось еще и нервное нетерпѣніе, котораго съ трудомъ могли сдерживать совѣты журналистовъ.

— Что же это такое! говорили между собою патріоты: вотъ уже двѣ недѣли, какъ объявлена война, а мы до сихъ поръ еще даже не въ Майнцѣ! О чемъ же думаютъ наши старые африканскіе генералы? А наши храбрые

солдаты, наша непобѣдимая армія? Стоило же послѣ этого покупать карты и булавочныя указки съ знаменами на верхушкѣ!

Парижане, обыкновенно, принимаютъ участіе въ трудахъ войны тѣмъ, что покупаютъ карты, — и сколько ихъ продавалось въ первыя двѣ недѣли! Разумѣется, все только карты Германіи! о другихъ не было рѣчи, — и вооружась булавочною указкой, всѣ помѣчаютъ пункты воюющихъ армій, поражая ихъ на бумагѣ. Ни что не служитъ преградой въ выполненіи плана дѣйствій: съ немовѣрной быстротой переходятъ рѣки, горы, овладѣваютъ городами, занимаютъ крѣпости и форты. Одинъ ударъ булавки, и глядишь — трехъ-цвѣтное знамя водружено въ Тревѣ, Майнцѣ, Кельнѣ. Тѣмъ же самымъ способомъ ничего не значило водрузить его и на стѣнахъ Берлина.

Этотъ способъ пораженія непріятеля булавкою на картѣ до того простъ, что постоянно обманываетъ парижскаго буржуа на счетъ затрудненій военныхъ дѣйствій, встрѣчаемыхъ въ дѣйствительности. Онъ ни какъ не можетъ сообразить, сколько потребуется времени, для того, чтобы собрать триста тысячъ человѣкъ войска и двинуть ихъ на Германію. Уже въ началѣ августа буржуа терялъ всякое терпѣніе отъ того, что не было еще дано ни одного большаго сраженія. О! еслибы онъ зналъ, чтò готовилось въ то время, какой безпорядокъ царствовалъ между этими дурно содержимыми, дурно вооруженными и дурно начальствуемыми полками, между которыми упадокъ дисциплины и презрѣніе къ начальству свирѣпствовали какъ эпидемія!

Нельзя сказать, чтобы у насъ не доставало репортеровъ, способныхъ высказать намъ правду, но ихъ тща-

тельно удаляли изъ главнаго штаба; сами же они не смѣли вѣрить своимъ глазамъ и не рѣшались, не смотря ни на что, порвать тотъ предрассудокъ уваженія, который каждый французъ питаетъ къ мундиру и знамени. Даже тѣ, которые были настолько хладнокровны, что ясно видѣли все дѣло, воздерживались высказывать истину и опасались, объявляя парижанамъ, объявить вмѣстѣ съ тѣмъ и неприятелю тайну нашей явной слабости.

Такимъ образомъ, мы находились въ полнѣйшей иллюзиі, и извѣстіе перваго успѣха при Саарбрюкенѣ еще болѣе укрѣпило въ насъ то хорошее мнѣніе, которое мы имѣли о себѣ. Правда, что мы пѣсколько посмѣялись надъ одной знаменитой депешей, въ которой императоръ извѣщалъ жену свою, что маленькій Луи поднялъ ядро, упавшее къ его ногамъ, и что при этомъ весь полкъ плакалъ отъ умиленія. Съ той минуты парижане иначе не называли маленькаго Луи какъ *l'enfant de la balle*. Въ то время въ Парижѣ еще легко смѣялись и острили!

Два дня спустя пришло извѣстіе о большей побѣдѣ; день былъ суботній, солнце ярко свѣтило. До того времени я еще ничего не видѣлъ подобнаго, да вѣроятно и не увижу никогда. Цѣлое населеніе, обезумѣвшее отъ радости, бѣжало, не зная куда. Люди совершенно незнакомые пожимали другъ другу руки, обнимались и цѣловались со слезами радости на глазахъ. На площади возлѣ биржи толпа была непроходимая; вездѣ кричали и махали шляпами въ воздухъ. Въ проѣзжавшемъ открытомъ экипажѣ сидѣла г-жа Геймаръ, толпа потребовала, чтобы она проѣхала Марсельезу; она запѣла сильнымъ голосомъ и пятьдесятъ тысячъ голосовъ хоромъ подхватили припѣвъ. Всѣ дома запестрѣли флагами и городъ былъ свидѣте-

лемъ самыхъ шумныхъ и самыхъ горячихъ манифестацій восторга, доходящаго до о́пьянѣнія.

Часъ спустя сталъ носится слухъ, что извѣстіе о побѣдѣ ложно. Вѣсть эта пронеслась съ одного конца города въ другой съ быстротой пороховаго заряда. Масса бросилась къ министерству, въ редакціи, всюду, гдѣ только могла надѣяться получить какія нибудь свѣдѣнія. Пришлось сдаться: извѣстіе о мнимой побѣдѣ было мистификаціей Бисмарка, желавшаго испытать легковѣріе парижанъ. Отъ безумной радости толпа мгновенно перешла къ неописанной ярости; если бы ей попались въ руки министры, она тутъ же передушила бы ихъ своими руками. Разочарованіе было жестоко; оно разразилось бѣшенствомъ, перешедшимъ въ глумленіе, какъ это бываетъ всегда съ парижанами. На другой день оказалось, что наканунѣ ни кто не повѣрилъ такой утѣѣ! На бульварахъ не было ни единого человѣка, который сознался бы въ томъ, что принялъ извѣстіе за истину... Куда дѣвалось самолюбіе?!

Я привелъ здѣсь этотъ эпизодъ потому, что тутъ въ первый разъ наблюдатель имѣлъ возможность судить настоящимъ образомъ о парижскомъ населеніи: какъ быстро оно о́пьяняется впечатлѣніями, какъ легковѣрно, слѣпо увлекается и какъ мало у него здраваго смысла и разсудительности. Оно никогда не дѣйствуетъ иначе, какъ по капризу, и несется отъ одной крайности къ другой подобно неоснащенному кораблю на морскомъ пространствѣ, гонимому разными вѣтрами; то оно легковѣрно отдается радости, то впадаетъ въ отчаяніе. Вслѣдъ за безумнымъ восторгомъ, о которомъ я говорилъ выше, Парижъ погрузился въ страшное уныніе. Признаюсь, послѣ такого примѣра, я самъ наравнѣ съ другими холодными